

Весь мир

СТАНИСЛАВ
КУНЯЕВ

*Шляхта
и мы*

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2023

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

К 91

Издание исправленное, дополненное

Куняев С.Ю.

К 91 Шляхта и мы / С.Ю. Куняев. – М.: Родина, 2023. – 336 с.

ISBN 978-5-907255-85-2

Впервые книга «Шляхта и мы» увидела свет в журнале «Наш современник» (№5, 2002), и эта публикация настолько всколыхнула польское общественное мнение, что «Московские новости» в июне того же года писали: «Польша бурлит от статьи главного редактора «Нашего современника». Польские газеты и журналы начали дискуссию о самом, наверное, антипольском памфлете со времён Достоевского...»

В России книга стала историческим бестселлером. Не раз переиздавалась в 2000-х годах. Настоящее издание дополнено стихами русских и польских поэтов, начиная с Пушкина и Мицкевича, о «споре славян между собою», главами, написанными по следам драматических российско-польских событий, произошедших в последние годы, а также новыми открытиями историков, касающихся пакта Молотова-Риббентропа, Катюни, варшавского восстания, гибели польского самолета под Смоленском и т.д. Автор дает жесткий, убедительный отпор фальсификаторам истории – как польским, так и отечественным.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

© Куняев С.Ю., 2023

ISBN 978-5-907255-85-2

© ООО «Издательство Родина», 2023

Часть I

ПОЛЬСКОЕ ИМЯ

Здесь все, что было, все, что есть,
Надуто мстительной химерой...

А. Блок. «Возмездие»

Моя судьба каким-то странным образом с первых дней жизни была связана с Польшей. Я смутно понял это, когда в лютом январе 1943 года десятилетним отроком зашел отогреться в верхний храм калужской Георгиевской церкви, переполненной женщинами, одетыми в потертые пальтишки, плюшевые душегрейки и ватники. Их бледные измученные лица в обрамлении черных платков и коричневых шалей были обращены к алтарю, где стоял седовласый батюшка в златотканой одежде. Возле него худенький старичок дьякон помахивал кадилом, и синеватый дымок ладана тонкими струйками плыл над старушечьими платками, шалями и полушалками.

— Господи! Даруй победу российскому воинству православному-у-у! — дребезжащий голос дьякона раскатывался по углам и приделам храма, уплывал в темный купол, отражаясь от мерцающего паникадила, от тускло поблескивающего иконостаса, от застекленной иконы Калужской Божьей матери, в лике которой плясали язычки свечей...

От густой смеси запахов ладана, влажных несвежих одежд, человеческого дыхания и пота у меня покружилась голова, я ухватился за чей-то тулуп и стал безвольно двигаться в общей очереди к причастию, предвкушая, как батюшка поднесет к моим пересохшим губам ложечку теплого красного вина. Я уже подошел под его руку, но священник чуть помедлил с причащением и спросил:

— А как звать тебя, отрок?

— Станислав! — послушно ответил я.

— Не крещеный... — вздохнул батюшка. — Имя-то не православное, польское! — И, чуть поколебавшись, все-таки поднес к моему рту заветную серебряную ложечку...

Вечером, вернувшись в нашу комнатенку, в углах которой при свете керосиновой лампы поблескивал иней, я спросил у матери:

— Мама, а почему меня называли Станиславом?

— Когда тебя принесли из Хлюстинского родильного дома, я спросила у Юры, как назовем мальчика? Отец твой в то время политикой увлекался, газеты читал. А в газетах писали о каком-то советско-польском договоре. Ну, Юра и говорит: «Давай в память этого договора сына Станиславом назовем!»

Когда я уже в почтенном возрасте крестился, то священник отец Владимир из церкви, что на Воробьевых горах, почему-то оставил мне мое прежнее хотя и христианское, но католическое имя. Я все хочу сходить к нему и попросить имя православное. Но почему-то медлю, раздумываю, а вдруг это судьба с какой-то целью привязала меня к польской истории?

Открыв недавно историческую книгу под названием «Советско-польские войны», изданную в 2001 году, я прочитал на 130-й странице о том, что именно 27 ноября 1932 года, в день, когда я родился, Советский Союз и Польша ратифицировали Договор о ненападении... Вот, оказывается, в честь какого события отец окрестил меня Станиславом. Слава Богу, что не Марленом и не Жоресом...

ПОБЕЖДЕННЫЕ ПРЕЗИРАЛИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ...

Вот уже больше года в нашу редакцию бесплатно поступает журнал «Новая Польша». Нет, он отнюдь не русофобский, многие его публикации стремятся к тому, чтобы русские и поляки засыпали старые рвы недоверия и неприязни, чтобы задумались о будущем и перестали жить прошлыми страстями и национальными страстями.

Но делают они это странным образом. Девяностолетний патриарх польской литературы, нобелевский лауреат Чеслав Милош публикует в 7-м номере журнала за 2001 год свой короткий, но блестяще написанный фрагмент под названием «Россия» из книги «Родина Европа». Милош хочет разобраться в истоках нашей нелюбви друг к другу.

«Начало всему — шестнадцатый и семнадцатый века. Польский язык — язык господ, к тому же господ просвещенных, — олицетворял изысканность и вкус на востоке до самого Полоцка и Киева, Московия была землей варваров. С которыми — как с татарвой, вели на окраинах войны...»

Польские авторы той эпохи, по словам Милоша, отмечают у подданных русского царя *«склонность нарушать данное слово, коварство. Они же высмеивают дикость их обычаев»*.

«Поляки так или иначе ощущали свое превосходство. Их бесило какое-то оловянное спокойствие в глубине русского характера, долготерпение русских, их упрямство...»

«Свое поражение в войне поляки встретили недоуменно... Победенные презирали победителей, не видя в них ни малейших достоинств».

Одним словом, поляки — это культурные западные люди, а русские московиты — варвары, азиаты, почти «татарва»...

Упаси бог, я не утверждаю, что сам Милош разделяет эти взгляды. Он просто фиксирует их наличие в польском мировоззрении тех времен. Да и нет во взглядах такого рода ничего нового для человечества. Точно так же относились испанцы к индейским племенам Центральной Америки, а несколько позже ангlosаксы к североамериканским индейцам, французы к арабам, японцы к китайцам и корейцам, а немцы не только к северным славянским и прибалтийским племенам, но и к самим полякам.

Но, как говорится, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Поляки, во всем подражая западным культурным соседям, искали своих «недочеловеков» на Востоке. Они не задумывались о том, что «нецивилизованных» народов на земле нет, — есть просто разные цивилизации.

О том, каковыми показали себя наши соседи-славяне в эпоху русской Смуты, писал боярин Федор Шереметьев в 1618 году, после освобождения Москвы от *«просвещенных, — по словам Чеслава Милоша, — господ»* (а Милош — этого забывать нельзя, для нынешних поляков как для нас Пушкин, «ихнее — все»):

«Разнузданный солдат ваш не знал меры в оскорбительных излишествах: забрав все, что только было в доме, он золото, серебро (...) пытками вымогал. Увы! Смотрели мужи на насилие над любимыми им женами, матери — на бесчестие несчастных дочерей. Свежа еще у нас о распутстве вашем и разнузданности память(...) Вы растравляли сердца наши оскорбительным презрением. Никогда соплеменник наш не был вами называем иначе, как же — москаль, вор и изменник. Даже и от Храмов Божиих не умели вы рук ваших удержать...»

Две эти взаимоисключающие точки зрения на поляков — как на «просвещенных западных господ, цивилизаторов» и «грабителей, мародеров, колонизаторов», зародившись в XVII веке, дожили до сегодняшнего времени. Поэт Давид Самойлов, солдат Великой Отечественной, освобождавший Польшу, пишет, к примеру, в книге воспоминаний так:

«Русская нация во многом может быть благодарна польской... В бурные времена исторические деятели России тянулись к татарщине, азиатскими методами решали насущные вопросы времени. В тихие же времена Михаила и Алексея Польша была ближайшей станцией европейской цивилизации».

Но человек польской крови, писатель Мариуш Вильк, путешествовавший в 2000 году по нашему Северо-Западу, в очерке «Карельские тропы» несколько иначе описывает цивилизаторскую деятельность своих предков в *«тихие времена Михаила»*:

«Поодаль торчит на полсажени из воды остров Городовой, оваянный легендой о польских «панах». Осенью 1613 г. польско-литовские отряды Тушинского вора, разбойничавшие в заонежских погостах, под командой пана Барышпольца и Сидора двинулись на Холмогоры. После шестидневной

неудачной осады холмогорской крепости «литовские воры» отступили, обогнули Архангельск, по пути разорив Николо-Карельский монастырь; возвращаясь, сожгли несколько поморских сел, перешли по льду Онежский залив, безрезультатно осадили Сумский острог, снова напали на заонежские погосты, пытаясь взять Шунгский острог, но, получив отпор, были биты под Толвуйей... В марте 1614 г. русские войска окончательно разгромили отряды пана Барышипольца у реки Сермяксы, а остатки отрядов пана Сидора ушли в карельские леса. И в карельские легенды... Одна из них гласила, что «паны» жили на Городовом, откуда нападали на ближайшие деревни, брали крестьян в рабство и грабили до тех пор, пока их старый Койко на Падун не послал — за кладом. На порогах Падун «паны» нашли свою смерть» («Новая Польша», 2001, № 2).

Но, может быть, к покоренным народам (к «быдлу») подобное отношение в те жестокие века было обычным, а в отношениях друг с другом шляхтичи были образцами благородства, рыцарства, галантности, европейской воспитанности, словом, личным примером и светочем для русских варваров? Наверное, я и остался бы пребывать в столь обычном заблуждении, если бы не попала мне в руки редкая книга — «Записки Станислава Немоевского», изданная в 1907 году в России. Автор — знатный шляхтич, обучался в Италии, по возвращении стал видным польским дипломатом при королевском дворе, а в 1606 году отправился в Москву, чтобы продать по просьбе Анны, сестры Сигизмунда III, царю Лжедмитрию I, уже сидевшему на московском престоле, шкатулку, наполненную, как пишет Немоевский, «бриллиантами, перлами и рубинами». Лжедмитрий радушно принял посла-коммивояжера, восхитился драгоценностями, но купить их для Марины Мнишек не успел, поскольку был убит на другой день русскими заговорщиками. После его смерти по всей Москве начались польские погромы, и взошедший на трон Василий Шуйский, дабы спасти знатных поляков от мстительных москвичей, выслал их, а говоря современным языком, «интернировал» в количестве ста шестидесяти душ в городишко Белозерск на Вологодчину. Ко-

нечно, жилось там благородным и культурным шляхтичам среди диких варваров (вепсов и русских) несладко. Острог и курные избы для жизни были худые, тесные, грязные, питание плохонькое. Словом, жили они не лучше, чем наши военнопленные в польских лагерях после нашего поражения в 1919—1920 годах, много хуже, чем интернированное польское офицерство в советских лагерях 1939—1941 годов. Недоедали, умирали от болезней. Правда, жили без охраны. Но куда убежишь с берегов Белого озера? Крутом непроходимые леса да болота. И стали тогда грамотные шляхтичи засыпать царя Василия Шуйского челобитными посланиями, умолять *«о хорошем содержании и снабжении достойными кормами»* и о скорейшей отправке их на родину... Из Москвы им приходили ответы, что московская земля разорена, что воровских банд по ней шляется много и что пока невозможно ни содержания улучшить, ни домой отправить... И тогда среди шляхты начались раздоры. Какова была там шляхетская элита и стояла ли она выше «варваров», о чем не раз говорит Чеслав Милош, можно судить из одной дневниковой записи Немоевского, сделанной летом 1607 года.

*«Так как мы жили по своей воле, внимания ни на кого не обращали, то между нас открылся страшный разврат: хвастанье нарядами, банкетами, забавами, танцами (и это среди крайнего недостатка, нужды и заключения), наговорами одного на другого, взаимным язвлением и сплетнями, писанием пасквилей друг на друга, без всякой пощады кого-либо. К тому надо присоединить картежничество, повальное пьянство, без мысли о страхе Божием, без внимания к великим праздникам, постам и дням, установленным для покаяния. И если бы еще упивались чем, а то скверной горелкой, смешанной с дрянным пивом. И для этой цели продавая одежду с себя или со слуги. Вследствие всего этого частые ссоры, раздоры, споры, пересылки о поединках и вызовы на поединки, драки, поранения, гнусный блуд, прелюбодеяния, *ragacidia* — мать порезала на куски свое дитя и побросала на крышу, желая скрыть свой разврат и блуд, — и иные гнусные грехи, о которых по омерзительности их и по безразличности перед Богом и вспоминать-то не годится, и стыд не допускает; нако-*